

Данте и его время. Политическая мысль Данте и дантология

Источник: Л.М.Баткин, Данте и его время. Поэт и политика. М., Наука, 1965.

Изучение творчества Данте чрезвычайно важно для истории мировой культуры. Известно замечание Энгельса о том, что колоссальная фигура флорентийца знаменует собой целую переходную эпоху. Недаром Маркс, знавший «Комедию» в подлиннике наизусть, собирался написать о Данте специальную работу.

В течение шести с половиной веков вокруг наследия Данте идет напряженная идейная борьба. Иезуит Ару требовал еще в прошлом столетии публичного сожжения произведений Данте, объявив его «еретиком, революционером и социалистом». Но Ватикан предпочитал и предпочитает изображать мятежного поэта безобидным католиком¹. Папа Бенедикт XV в дни дантовского юбилея в 1921 г. торжественно провозгласил: «Данте Алигьери — наш». «Комедия» не попала в «Индекс»: приходилось считаться с тем, что Данте с XIV в. стал гордостью страны. В Италии его называли просто «Поэтом», а «Комедию» — просто «Книгой», и стихи его распевали неграмотные крестьяне. Данте вдохновлял итальянских революционеров XIX в., начиная с Уго Фосколо и Сильвио Пеллико, оценивших по достоинству его свободолюбие и призывы к объединению страны. Итальянские фашисты пытались использовать Данте на свой лад. Никогда истолкование Данте не ограничивалось громадным культурно-познавательным, историческим и эстетическим значением. По сей день — это также политическая проблема.

О Данте написаны тысячи книг². Наука скрупулезно исследовала и прокомментировала буквально каждую его строку, накопив горы добротного фактического материала и добившись замечательных текстологических успехов. В трудах многочисленных «дантовских» обществ, в специальных дантологических журналах

/166/

и сборниках были рассмотрены вдоль и поперек все события, имена, даты, имеющие хоть какое-нибудь отношение к жизни и творчеству поэта. Был всесторонне обсужден каждый политический или личный намек в «Комедии» и была тщательно зарегистрирована каждая ссылка или реминисценция в «Пире». Существуют десятки особых исследований на темы: Данте и астрономия, Данте и музыка, Данте и география и т. д. Существуют работы, в которых выясняется, знал ли Данте греческий язык и бывал ли, скажем, Данте когда-нибудь в небольших итальянских городах Удине или Персичето. Есть обширная литература даже о Джемме Донати, жене поэта, с которой он навсегда расстался за двадцать лет до своей кончины, ни разу не обмолвившись о ней в стихах, и о которой почти ничего не известно. А работам о Беатриче, уж разумеется, — несть числа. Несколько поколений серьезных исследователей создали надежную биографию Данте. Появились словари дантовского

языка. В двухтомной «Дантовской энциклопедии», принадлежащей перу Скартаццини, можно найти любую справку — вплоть до того, что, например, слово «расе» («мир») встречается в «Комедии» 36 раз³.

Но объективное историческое содержание дантовского понятия «мир» осталось у Скартаццини нераскрытым. И это не случайно. Буржуазная дантология, несмотря на все свои успехи, оказалась все же не в силах подлинно глубоко и точно оценить значение и сущность идеологии Данте.

Социологический анализ был лишен неоспоримости филологических и художественных наблюдений. И вовсе не потому, что общеисторическим фоном творчества Данте мало занимались. Напротив. Эпоха Данте заинтересовала уже эрудитов XVIII в. во главе с Муратори. Интерес к Данте в XIX в. подогревался сначала движением карбонариев, а затем движением Рисорджименто и был, как уже отмечалось, тесно связан с политикой. Уго Фосколо, зачинатель новой дантологии, говоря словами Маццини, «искал в Данте не только поэта, но гражданина, реформатора, апостола религии, пророка нации». После объединения Италии историки-позитивисты, вдохновляясь национально-демократическими идеями, соперничают в изучении наследия Данте с литературоведами. Исследователи школы Паскуале Виллари проделали огромную работу. Но политические идеи флорентийского изгнанника почти никогда не рассматривались как объективно-классовые идеи. Конкретные социальные корни теорий Данте или оставались вне поля зрения, или освещались узко и поверхностно.

В западной исторической литературе часто говорилось, что политические взгляды Данте лишены реальной почвы, будучи

/167/

плодом пылкой поэтической фантазии и увлеченности мечтателя. Один автор доказывал, что Данте «жил только прошлым», «одиноким, как все пророки», погруженный в мистические видения. И называл дантовскую монархию «утопией всех средних веков» об универсальном единстве⁴. Другой исследователь усматривал в антикапиталистических высказываниях поэта абстрактно-моральные побуждения. И писал о Данте: «он был плохим политиком, потому что был политиком сердца, привлекая теоретические спекуляции для обоснования своих чувств»⁵. Третий, напоминая, что политические надежды Данте оказались «тщетными иллюзиями», утверждал, что Данте — «прежде всего поэт», погруженный в свои сны⁶. Четвертый историк считал обращение Данте к «умирающей империи» результатом скорбных превратностей его судьбы, порождением отчаяния, охватившего поэта в изгнании⁷. И т. д. и т. п.

Все это избавляет от необходимости ответить на вопрос, почему теории Данте остались «тщетными иллюзиями», какие свойства самой исторической действительности породили его надежды и одновременно обусловили их призрачность.

Иную позицию занял Ф. Эрколе. Он рассматривал взгляды Данте на широком фоне развития итальянской политической мысли. И уже простое сопоставление дантовской «всемирной монархии» со взглядами его предшественников, современников и потомков делало очевидным, что теория Данте является составным звеном в длинной цепи сходных идеологических построений — от Джованни да Витербо до Альбертино Муссато, от Чино да Пистойя до Кола ди Риенцо. Но Эрколе не выходил из круга истории идей как таковых. Приближаясь к единственно правильному тезису о глубокой исторической оправданности возникновения утопии Данте, Эрколе ограничивался, однако, следующим доводом: «Его (Данте. — Л. Б.) политический идеал не был грезой, ибо опирался на нечто реально и постоянно существовавшее в общественном праве и в итальянском политическом сознании — на понятие империи»⁸.

Историческая реальность, таким образом, сводилась к «юридическим традициям болонской школы».

И работа Эрколе демонстрировала те недостатки, которые в большей или меньшей степени характерны даже для самых блестящих исследований западных дантологов об идеологии Данте, — для классических трудов И. дель Лунго, П. Виллари, Н. Цингарелли, А. Сольми, М. Барби и др.⁹ В этих исследованиях рассыпано много значительных выводов относительно светского духа теорий Данте, национального характера его утопии, связей Данте

/168/

с пополанской демократией и т. д. Но ценные наблюдения затемнялись отсутствием последовательного историзма.

Либеральные историки-позитивисты, а позднее филологи во главе с талантливым Микеле Барби, не сумели вывести политическое учение Данте из особенностей его эпохи, модернизируя и сближая афоризмы «Монархии» с идеями XIX в.

Например, Паскуале Виллари, верно уловив в утопии Данте национальное содержание, не в состоянии был объяснить, почему стремление к объединению Италии облечено у Данте в форму теории всемирной монархии. Виллари или ссылается на то, что Данте «не понимал» всей важности «национального принципа», или «оправдывает» поэта тем, что в его духе возобладал благородный «принцип интернационализма», который был присущ «борцам за итальянскую свободу» вплоть до Маццини...¹⁰

Не может ответить на это и Барби. В работе, являющейся своего рода итогом многолетних исследований маститого дантолога, мы находим великолепное изложение взглядов поэта, но в ней нет анализа их конкретно-исторической основы. Нас не могут удовлетворить общие соображения о тесной связи Данте с итальянской действительностью. «Поэт, конечно, судил обо всем, исходя из потрясений и распрей, охвативших его Флоренцию и Италию», — справедливо замечает Барби. Но это весьма иллюзорный и расплывчатый историзм. У Барби нет и речи о социальной обусловленности творчества Данте. Трагизм «Божественной комедии» истолковывается биографически «узким и отчасти неверным взглядом» человека, разделившего судьбу «несчастных изгнанников из отечества». А рассуждения Барби о реалистичности дантовской теории всемирной монархии, порожденной плачевным положением раздробленной Италии, заканчиваются выводом, позволяющим уже угадать влияние Бенедетто Кроче (о котором будет сказано дальше): «Как бы там ни было, для нас важно не оценить политическое здравомыслие Данте, а узнать, что более всего согревало его чувства и воспламеняло его фантазию. Если это и была утопия, то, конечно, благородная утопия, и он обнаружил в ней не меньшую любовь к Италии, к ее благу и славе, чем его более практичные современники...»¹¹

Между тем несомненно, что работы Барби, Эрколе, Виллари и других в методологическом отношении представляют собой потолок буржуазной дантологии. В современных исследованиях политической мысли Данте воспроизводятся недостатки этих работ — обычно, к сожалению, без их больших достоинств.

Показателен труд М. Аполлонио, поражающий размерами, эрудицией и полным отказом от какой-либо научной методологии.

/169/

По удачному выражению А. Валлоне, «мы присутствуем при распаде исторической критики». Из тысячи трехсот семидесяти страниц книги Аполлонио мы узнаем, что «все политические страсти и мысли поэта — плод его фантазии, неузнаваемо преобразующей реальную действительность»¹².

Более других заслуживает положительной оценки исследование Чарльза Девиса «Данте и идея Рима»¹³. Оно посвящено, как подчеркивает сам автор, сопоставлению политической концепции Данте с высказываниями его предшественников (начиная с Августина) и современников, а также с официальной пропагандой Генриха VII. При этом Девис делает много свежих и интересных выводов, расширяя наши представления об идейной атмосфере, окружавшей поэта. Девис обрисовывает Данте как «независимого мыслителя, руководствовавшегося своим итальянским патриотизмом и универсалистскими убеждениями». Однако какова почва этих убеждений? Неужели — юридическая условность, некое «постоянное средневековое уважение к имперскому принципу», на которое ссылается Девис вслед за Эрколе и Вольпе? Сам замысел работы обрекает автора

на неудачу всякий раз, когда он пытается от описания идеологических фактов перейти к их объяснению. По его мнению, между «национализмом» и «универсализмом» Данте не было противоречия. Да — субъективно! Но объективно это противоречие существовало и, более того, являлось исторически неизбежным. Формальный метод исследования приводит Девиса к выводу, будто Данте не имел в виду политического единства Италии. «Парадоксально для нас, — пишет Девис, — но естественно для Данте, универсализм Рима служит основой национальной гордости поэта». Подлинный и вполне объяснимый парадокс заключается, однако, в том, что, наоборот, национальная гордость Данте стала основой его «универсализма».

Следует высоко оценить и прекрасные работы Бруно Нарди о мировоззрении Данте¹⁴. Данте в изображении Нарди — оригинальный мыслитель, испытавший воздействие аверроизма и иоакимизма, сумевший во многих отношениях нанести удар по средневековому католицизму. Все же анализ Нарди зачастую не достигает цели, так как, стараясь вывести одни мысли и устремления Данте из других его мыслей и устремлений или из идей его современников и предшественников, Нарди возвращается в уже знакомом нам замкнутом кругу: идейное явление считается объясненным, если оно описано, т. е. если дана его логическая схема и прослежены аналогии, прецеденты и влияния в рамках данной теоретической или художественной области. Философские,

/170/

этические или политические понятия берутся вне социальной почвы, их движение выглядит самодовлеющим. Исследование филиации идей создает «видимость самостоятельной истории... идеологических представлений», «мы все время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли»¹⁵. Поэтому Бруно Нарди не избегает общих мест, ставших почти обязательными в западной дантологии: Данте исходил из «вечного идеала справедливости», существующего «вне пространства и времени», «иллюзия Данте заключается в том, что он усматривал в более или менее близком будущем вечную идею, которая сама по себе находится вне времени и воздействует на человеческие дела лишь в качестве предела, всегда желанного... но никогда не достижимого».

Идеалистический подход к истории культуры омрачает также интересное исследование П. Ренуччи, дающее новый материал, но проникнутое ложным пониманием гуманизма как отвлеченного интеллектуального движения, начавшегося уже в XII в.¹⁶

Даже наиболее проникательные современные дантологи, будучи далеки от марксизма, не учитывают, что «идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом»¹⁷. Поэтому Б. Нарди, Ч. Девис и другие не понимают, что утопия Данте есть идеологическое отражение «истинных побудительных сил».

Например, Пассерин д'Энтрев подчеркивает «муниципализм» Данте, но приходит к заключению, будто Данте боролся против идеи национального государства¹⁸. Это — шаг назад в дантологии. Думается, что в полемике вокруг дантовской политической теории суждения Эрколе, Сольми, Барби были гораздо ближе к истине, чем недавние возражения против них Девиса или д'Энтрева. Д'Энтрев и Девис не видят, что в своеобразных условиях Италии утопия всемирной империи явилась результатом того же процесса, который привел в других странах к прямому обоснованию национальной монархии. Д'Энтрев, правда, указывает, что идея империи родилась прежде всего из исторической обстановки, а не из политической литературы. Но это остается декларацией. Автор обнаруживает у Данте «универсальные христианские идеи средневековья», идеи «мира» и «единства». А «историческая обстановка» сводится к распространению римского права и к личным впечатлениям поэта от Рима.

Недостаток историзма вводит в соблазн наивной модернизации. По словам д'Энтрева, Данте пришел к мысли, «что одного патриотизма недостаточно», «и сошелся в этом с нашим временем».

/171/

Дж. де Фео и Дж. Саварезе также считают, что учение Данте поразительно актуально в свете современного «кризиса национализма»¹⁹. Дороти Сайерс полагает, что было бы «интересно» сравнить идеи Данте «с предложениями относительно мирового правительства, возникшими под угрозой атомной бомбы»²⁰. Теофил Шпери готов видеть в Данте пророка, указавшего язвы, разъедающие Европу XX в., и давшего рецепт их излечения — «единение в боге»²¹. У Нэнси Ленкейт особая концепция: по ее мнению, Данте вдохновлялся «расовым чувством», всегда существовавшим националистическим представлением о превосходстве итальянцев над другими нациями²². Не менее своеобразные выводы можно найти в одной из последних работ известного исследователя Ольшки²³. В главе, носящей название «Актуальность Данте», автор пишет: поэма Данте «показывает нам, что положение вещей с тех времен и по нынешний день существенно не изменилось. Отвергнутое поэтом преобладание „экономического человека“ над „духовным человеком“ упрочилось, как никогда, в современных формах алчности». «Как и Данте, мы чувствуем, что это не политическая, а прежде всего моральная проблема». (Но уже Данте догадывался в «Монархии»: «...при плохих правителях и люди бывают плохими»). Папство, продолжает Ольшка, «теперь сильнее, влиятельней и свободней, чем когда бы то ни было» (?). Стремления к мировой империи, церковной или светской, и сейчас сильны. И «суровый опыт всех народов» показывает, что если «империя должна и может существовать, то она может и должна быть единственной». Вот чем увенчивают нынче свои труды некоторые ученыше дантологи!

В современной дантологии очень заметно католическое направление, на все лады развивающее тезис, сформулированный век тому назад Гиллебрантом: «... никогда не было более ортодоксального христианина, чем Данте». Особенно тягостное впечатление производит откровенно обскурантистская книжка Папини, достойно завершающаяся

главой: «Где теперь Данте?» В раю или в чистилище? И в каком именно круге? Что он сам сейчас думает о «Комедии»? Сам Папини полагает, что понять ее дано только «католику, художнику и флорентийцу» (!)²⁴

Французский богослов Мандонне в книге «Данте-теолог» свел содержание «Комедии» к набору религиозных символов. Эту затею подверг язвительному осмеянию не кто иной, как Э. Жильсон, крупный католический философ²⁵. Но попытки мистических толкований идеологии Данте не прекращаются²⁶.

Упомянем монографию А. Реноде «Данте как гуманист»²⁷. Для Реноде гуманизм — вечный и неизменный этический принцип, нашедший высшее и абсолютное выражение в «христианском

/172/

гуманизме». Ряд гуманистов открывается святым Юстином (II в.), Августином и другими отцами церкви, а далее бок о бок стоит изувер Бернард Клервосский и «его великий противник» Абельяр, Фома Аквинский и «его продолжатель» Данте, «синтезировавший христианский и античный гуманизм», Петрарка и Томас Мор, Гете... По мнению Реноде, Данте воплощает прекрасный дух средневекового католицизма, он «аристократ и консерватор», который, отдав в первых двух частях «Комедии» дань политическим предрассудкам, партийной ненависти и прочему «флорентийскому злопамятству», отрывается, наконец, в песнях «Рая» от земли и от политики и «устремляется в чистую духовность». «Отдельное государство, отдельная нация не задерживают надолго его внимания. Его мысль обнимает вселенную». В «Пире» Данте воспекает некую «элиту разума», «единственно способную и достойную руководить человеческими толпами», и т. д. и т. п. Таков уровень книги, которая, по рекомендации Валлоне, «является сегодня — и не только во Франции — наиболее органическим трудом на эту тему». В ней действительно «органически» искажено мировоззрение великого поэта.

Однако все же не католицизм определяет современное развитие дантологии. Нужно подчеркнуть, что в обильном потоке дантологических исследований последних лет число работ, посвященных мировоззрению и особенно политическим взглядам Данте, сравнительно невелико. Еще в 1921 г. знаменитый философ-идеалист Бенедетто Кроче потребовал отказаться вообще от анализа идеологии Данте. Книга Кроче «Поэзия Данте» выдержала множество переизданий и имела необыкновенный успех²⁸. В последующие тридцать лет в итальянской дантологии решительно возобладало крочеанское направление, представленное такими крупными именами, как Момильяно или Фубини. «Эрудитская» (историко-филологическая) школа стала сдавать свои позиции. Прославленный глава этой школы Микеле Барби сам испытал заметное влияние крочеанства.

«Поэзия Данте» — яркая книга, написанная убежденно и просто. Ход мысли Кроче таков. Данте прежде всего — поэт, до сих пор затрагивающий сердца. Для читателя, раскрывающего сегодня «Комедию», в поэзии Данте важна поэзия, а не религиозные, этические или политические идеи. Эти идеи давно мертвы. Зато дантовские образы живут. Кроче язвительно отзывается о «принявшем угрожающие размеры» историческом и филологическом изучении Данте. Он высмеивает «охоту за аллегориями», споры о пустяках, всевозможные пероуточнения, раздувание мелочей, утомительную эрудицию и слащавую восторженность.

/173/

Разве слово «дантолог» не стало синонимом «дантомана»? Комментарии, конечно, нужны, но они не должны мешать главному — интимному постижению «с глазу на глаз» художественного богатства «Комедии». Обозначая идеологическое содержание «Комедии» как ее «структуру», Кроче утверждает, что изучение «структуры» нельзя смешивать с эстетическим анализом. Если идея выражена вне образа, она находится за пределами искусства. Если идея выражена через образ, ее нельзя абстрагировать, не разрушив смысла художественного целого. Поэтому религиозные и политические взгляды Данте интересны лишь в одном отношении, как толчок для воображения, для «лирической интуиции». Их историческая и собственно логическая сторона безразлична для эстетики. Классовая борьба, торговля, войны, церковь, империя, философские доктрины, общественная деятельность Данте — «все это не имеет прямой связи с поэзией Данте». Противопоставляя, по существу, неувыдаемую прелесть дантовской поэзии и ее конкретно-историческую «структуру», Кроче, однако, настаивает на их «единстве» и слиянности. Основой такого единства является именно «поэзия». Словом, Кроче требует рассматривать наследие Данте, в том числе и его идеологию, исключительно с «эстетической» стороны. Как провозгласил в 1924 г. крочеанец Бертони, важна не истина, а красота: «... не то, что поет поэт, а как он поет — вот интересное в нем»²⁹.

Разумеется, если бы Данте написал только «Монархию» и «Пир», не было бы целой отрасли науки, посвященной его наследию. Мы пристально вчитываемся в каждую строку дантовские трактатов особенно потому, что они принадлежат автору «Комедии». Иначе говоря, исследование мировоззрения Данте существенно не только для истории Италии, но и для истории мировой литературы. Без такого исследования нам не понять огромного художественного явления, называемого Данте Алигьери. Это как раз и отрицает Кроче.

Кроче прав в том смысле, что современный читатель в силах со всей непосредственностью ощутить обаяние Франчески, отвагу Улисса, страдания Уголино, не обращаясь за помощью к историкам. Можно волноваться, читая о том, «как горестен устам чужой ломоть, как трудно на чужбине сходить и восходить по ступеням», не зная существа политических событий, определивших судьбу поэта. Что, однако, произойдет, если читатель за словами о «язве, наносимой луком изгнания», и о необходимости «самому составлять свою партию» увидит не только «горечь» вообще и «гордость» вообще, но и реальную фигуру Данте с

реальными причинами горечи и гордости? Что произойдет при конкретно-историческом «наполнении» этих чувств и образов? Эстетическое

/174/

впечатление ничего не потеряет в своей непосредственности, зато выиграет в глубине и осмысленности.

Более того, нельзя по-настоящему проникнуться дантовским пафосом и трагизмом, понять мессианские предчувствия, саркастические инвективы, беседу с Каччагвидой или порыв Улисса, не зная эпохи и мировоззрения поэта. Данте не был бы художником такого масштаба, если бы его творчество не вобрало целый исторический пласт. Именно в широчайшей связи со своим веком — секрет значимости Данте для последующих веков.

Перефразируя ленинское замечание о Толстом, можно сказать, что эпоха перехода от Средневековья к Возрождению в Италии, самой передовой стране тогдашней Европы, выступила, благодаря гениальному освещению Данте, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Исследователь-литературовед во всяком случае обязан с этим считаться. Иначе эстетический анализ сведется к каталогизированию неких «вечных» художественных красот. Кроче и его последователи так и поступают. Но странно думать, что стиль Данте, экспрессия стиха, композиция, особенности образного «видения», движение эмоций не находились в тонкой связи с тем, что Данте думал о людях, о боге, о Флоренции. Странно пытаться разгадать Данте-художника, отвернувшись от Данте-мыслителя или Данте-политика. Как будто есть несколько Данте, а не один.

Кроче отмечает многое в «Комедии» на том основании, что «структура» иногда прорывает у Данте образную ткань. Идея не растворяется в ситуации, в эмоции, в чувственной картине. Действительно, в «Комедии» встречается и публицистика, и толкование всевозможных физических, астрономических, географических, теологических и других проблем. Сюда вмещена вся средневековая ученость, словно мы читаем христианского Лукреция Кара. Вырвать все это из «Комедии» так же невозможно, как невозможно выбросить из «Войны и мира» философию истории, из «Анны Карениной» — раздумья о нравственном совершенстве, из «Воскресенья» — социальные разоблачения.

Но вот «структура» опосредствуется «поэзией». Идеологическое содержание перестает существовать само по себе — оно превращается в эстетическое содержание. Но оно не исчезает. Между «структурой» и «поэзией» образуется диалектическое отношение, не понятое крочеанством. Искусство не является, конечно, «оболочкой» для идеологии — здесь мы согласимся с Кроче. Искусство имеет собственный смысл и ценность. И в

искусстве все должно оставаться искусством. Но само искусство «идеологично». Какая-нибудь политическая или этическая идея одновременно и отрицается, и утверждается искусством. Отрицается как логическая

/175/

идея, как понятие. Утверждается как художественная идея, как гегелевский «пафос». Чтобы уяснить ее в логической форме, приходится анатомировать художественное целое — и в этом Кроче тоже прав. Но исследователь должен решиться на такую анатомическую операцию, иначе как раз художественное целое останется для него загадкой.

Разбор «Божественной комедии», предпринятый Бенедетто Кроче, оказался разительным подтверждением этого. Дантовской идеологией Кроче пренебрегает. Например, утопию всемирной монархии он называет «благим пожеланием всех времен». А относительно дантовской этики роняет вскользь, что в ней трудно найти что-либо, не заимствованное Данте из прочитанных им книг. Кроче интересуется только «поэзией». Перебирая песни «Комедии», он отвергает то, что ему кажется «структурой», не претворенной в поэзию, и хвалит эпизоды, в которых «поэзия» мощно подчинила «структуру». Анализ «Комедии» превращается в своеобразный реестр таких полноценных художественных эпизодов. Под талантливым пером Кроче этот реестр выглядит увлекательно, но в итоге рассыпается «единство» «Комедии», которое декларирует исследователь. К тому же полновесную художественность Кроче почему-то находит преимущественно в сюжетных ситуациях, объективных конфликтах, драматических персонажах. Патетическими, саркастическими или трагическими высказываниями, сделанными Данте от собственного имени или явно вложенными в уста других героев «Комедии», Кроче зачастую пренебрегает. Его отпугивают призраки «структуры». Он ведь ищет вечные эмоции.

Читатель, очевидно, помнит слова Данте о «нежданных прибылях», погубивших Флоренцию? Кроче заявляет, что исторический смысл этих слов не имеет значения. Важно лишь то, что в них звучат возмущение и презрение поэта. Но отчего возмущение? К чему прозрение? Получается, что для понимания поэзии это безразлично. Воюя против схем, Кроче тем не менее предлагает нам законченную схему. Его метод ведет к формализму. Кроче способен преспокойно перечеркнуть эпизод с «равнодушными», томящимися в преддверии Ада (эпизод, потрясающий воображение!) только потому, что здесь «моралист начинает высказывать свое суждение».

Стоит ли так подробно полемизировать с книгой, вышедшей сорок с лишним лет тому назад? Это необходимо, так как крочеванство продолжает задавать тон в дантологии, и тут за сорок лет мало что изменилось³⁰.

В качестве характерного образца можно указать исследование А. Ронкалья, посвященное VI песне «Чистилища»³¹. Автор резко

протестует против традиционных попыток усматривать в знаменитом обращении к Италии выражение политических убеждений поэта. Интерпретация в политическом ключе лишь портит художественное впечатление, причем за «хорошо теперь известными и узко средневековыми теориями Данте о роли империи» тенденциозно видят «идеалы, страсти и полемику своего времени и своей партии». Каждая эпоха с легкостью находит у Данте материал для собственной «политической риторики». И это доказывает именно «универсальность» поэзии Данте.

Конечно, в VI песне «Чистилища», продолжает Ронкалья, «поэт весь охвачен реальностью своего времени». Но это не идейная, а чисто эмоциональная реакция на печальную картину гражданских раздоров, это «душевно омраченное и морально негодующее созерцание реальности». В соответствии со средневековым поэтическим вкусом поэт прибегает во имя стилевого эффекта к форме политической инвективы, к внешне логическому красноречию. Но при этом он руководствуется в действительности лишь «ритмом лирического движения», «фантастической логикой внутреннего вдохновения». Поэтому нелепо слышать здесь «крик национального сознания» (Ронкалья насмешливо берет эти слова в кавычки). Ведь «для Данте политика — это не искусство возможного, а осуществление абсолютного; из абсолюта исходит и его тоска по обновлению».

Итак, рассуждения о реалистичности и жизненности поэзии Данте служат лишь аргументом в пользу ее «универсальности». Мысль отвергается в угоду чувству, а чувство оценивается как повод для создания тонких поэтических красот. Что же интересует, в конечном счете, автора? Проблема стилевого и композиционного единства VI песни, психологической связи отдельных эпизодов, лирического ритма и т. д. Все это, разумеется, интересно. И многим наблюдениям дантологов школы Кроче над языком, стилем и композицией произведений поэта нельзя отказать в блеске и ценности. Но в целом идеалистическая и сугубо формальная методология, пренебрежение историческим и идейным содержанием творчества Данте приводят в теоретический тупик.

Еще характерней, чем статья Ронкалья, это демонстрирует работа французского дантолога Ивонны Батар, отвергающей подход к Данте и к «Комедии» «с различных рационалистических позиций». Рациональные моменты важны. Но Данте также «вечно юный поэт». И важнее всего в нем — «способы выражения». «Изучать образы „Комедии“ — значит изучать саму „Комедию“»³². Не это ли провозгласил Бенедетто Кроче в 1921 г.? Как и следовало ожидать, искусственное противопоставление исторических и художественных сторон творчества Данте отнюдь не способствует

исследованию эстетических свойств «Комедии». Работа Батар — глубоко удручающий формально-схоластический каталог «разъятых как труп» и «поверенных алгеброй» гармонических образов «Комедии».

Если Кроче оговаривал неразрывность «поэзии» и «структуры», то Батар уже полностью отбрасывает «структуру» как нечто чужеродное «поэзии». Любопытно, что Валлоне упрекает Батар, Момильяно и других в отступлении от учения Бенедетто Кроче³³. Но для нас несомненно, что такие исследователи, как Батар, закономерно завершают процесс оскудения дантологии, столь успешно начатый Кроче, и, противореча, может быть, букве крочеанства, великолепно иллюстрируют пагубность его основной идеи.

Понимание этого сейчас постепенно распространяется в итальянской науке. Все чаще можно встретить попытки как-то «поправить» или даже отвергнуть концепцию Кроче. Дантология стала — в который раз! — полем острых методологических столкновений³⁴.

«Крочеанская система поныне составляет в Италии официальную основу для эстетической оценки литературных произведений; и до тех пор, пока не будет показана несостоятельность этой философской основы, творчество Данте — говоря откровенно — будет оставаться лоскутным набором лирических отрывков, перемешанных с угаснувшими доктринами, которые относятся к „структуре“, не имеющей ничего общего с поэзией и искусством». Так заявляет Пьетро Конти в любопытнейшей работе «Данте в современном мире и методологические проблемы дантологии»³⁵.

Критикуя Кроче, Конти подчеркивает ограниченность и историко-филологической школы Барби. Многие полемические замечания Конти против «диктатуры Кроче и Барби» метко попадают в цель. Но вот дело доходит до позитивных высказываний, и положение сразу меняется. Выясняется, что Конти расценивает политическое учение Данте как выражение «вечных» стремлений человечества к «абсолютной цели» и т. п. Сопоставляя политические принципы Данте с принципами Организации Объединенных Наций, Конти находит, что ООН — лишь скромное повторение дантовского «всемирного государства» и что «не Данте утопист, а мы — утописты», ибо стремимся к социальной гармонии и мировому единству, пренебрегая этическими и политическими предпосылками такого единства. Чтобы непрестанные международные конференции имели успех, должен свершиться переворот в умах: человечество должно вернуться к Цицерону и Данте³⁶. Вряд ли советы Конти помогут дипломатам, заседающим в ООН. Во всяком случае они не помогут дантологам. Конти, как нетрудно заметить,

/178/

далек в оценке идеологии Данте от какого бы то ни было историзма.

Однако «самой трудной остается эстетическая методологическая проблема». Что предлагает Конти для ее решения? Мы не имеем возможности входить здесь в детали. Отметим лишь в нескольких словах: пытаюсь преодолеть субъективно-идеалистическую эстетику Кроче, Конти ищет прибежища в объективно-идеалистической эстетике Шеллинга. Платон и Шеллинг — таковы авторитеты, на которых предлагает опереться Конти.

Не удивительно, что ревизия крочеанства, поворот в изучении Данте, декларируемый Конти, оказывается при ближайшем рассмотрении топтанием на месте. Р. Монтано также пишет о «начале обновления в области изучения Данте»³⁷. «Обновление» Монтано видит в «лучшем познании и более высокой оценке тех элементов, которые назывались структурными и которых предшествующая критика остерегалась как вещи, чуждой поэзии», т. е. в повышении внимания к идеологии Данте. Но беда в том, что для Монтано «структура» — это в первую очередь религия. Не забудем, что Кроче, отбрасывая «структуру», отбрасывал и христианское содержание «Комедии». Некоторым дантологам не по душе резкие высказывания Кроче именно на сей счет. И «обновление» дантологии заключается, например, для Монтано, в доказательстве того, что поэзию Данте нельзя понять вне католицизма. Это — критика крочеанства справа. «Религиозное содержание „Комедии“ составляет единое целое с ее поэтической ценностью», — пишет Фаллани, тоже выступающий против Кроче³⁸. Какое уж тут «обновление»... Перед нами скорее движение по заколдованному кругу — от крочеанства к неотомизму или традициям «эрудитской» школы, обычно взятым не в лучшем варианте.

Конти связывает свои надежды на «поворот» в дантологии с Луиджи Пьетробоно, «учителем всех нас, изучающих мысль и творчество Данте». Пьетробоно, действительно, едва ли не единственный крупный итальянский дантолог, упорно выступающий против крочеанства³⁹. Его наиболее известная работа посвящена «моральной структуре» «Комедии». С поразительной обстоятельностью исследователь выясняет, какие разновидности грехов и наказаний наличествуют в Аду и Чистилище, какие добродетели обретаются в Раю, какова градация грехов и добродетелей, каковы их размещение, соотношение и классификация. Все это сводится во внушительные таблицы. Пьетробоно конструирует железную логическую систему этических взглядов Данте, изгоняя из них все противоречивое, «случайное». В результате схоластика работ Пьетробоно может смело соперничать со схолистикой дантовских трактатов.

/179/

Пьетробоно видит главную задачу дантолога в расшифровке аллегорий. Но манера Пьетробоно истолковывать Данте заставляет вспомнить о насмешках Кроче над «академической» наукой. Например, Пьетробоно настойчиво доказывает, что дантовскую «жадность» следует понимать не в конкретном смысле слова, а как «первородный» грех вообще. Такое понимание «структуры» не в состоянии, конечно, противостоять крочеанскому пренебрежению к «структуре». Более того, метод Пьетробоно и метод Кроче — это единый, хотя и двуликий, Янус итальянской дантологии. В основе обоих методов —

внеисторическое и формальное представление об идеологической стороне творчества Данте.

По саркастическому замечанию де Фео и Саварезе, «современные дантологи часто более склонны спорить о методологии, чем читать Данте». Можно добавить, что бесплодные философские споры дополняются копанием в мелочах. Ведь все или почти все, что можно было сказать по поводу той или иной спорной датировки, той или иной текстологической неясности, по поводу древнейшей генеалогии Данте или по поводу таинственной судьбы его останков — по-видимому, сказано. Дальше идти в смысле фактографии уже трудно. И вот одна за другой появляются работы, посвященные таким темам, как: Данте и ислам, роль в «Комедии» девы Марии, символическое и мистическое значение образа света в «Комедии» и т. п. Одного исследователя интересует образ Магомета в XXVIII песне «Ада», другой выясняет вопрос — воображал ли Данте лестницу на небо как звездную или как настоящую лестницу⁴⁰. Множество статей и даже книг посвящается отдельным песням «Комедии». Только о IV песне «Чистилища», ничем не выдающейся среди прочих, в последнее время написано свыше 10 работ⁴¹. Иногда эти исследования пополняют необозримый фонд комментариев к Данте какими-то новыми и полезными деталями⁴². Чаще — это стрельба из эрудитских пушек по воробьям.

Подытоживая, следует сказать, что последние десятилетия отмечены явными признаками кризиса западной дантологии. Подлинное научное и целостное изучение наследия Данте не продвинется ни на шаг по пути крочеанской эстетики или клерикализма, идеалистического схематизма или фактографии. Современная дантология задыхается из-за отсутствия свежих идей, которые ей может дать только марксизм.

И еще несколько необходимых замечаний. Несравненное прогрессивное значение Данте в художественной области давно общепризнано. Но некоторые исследователи изображают дело так,

/180/

что по своим идеологическим позициям Данте был человеком вполне средневековым, а в политике отстаивал дворянско-аристократические интересы. Особенно содействовали распространению подобной трактовки авторитетные и красноречивые высказывания Джозуэ Кардуччи⁴³. Эту трактовку поддержали, в частности, Люшер, а недавно Реноде во Франции, Сольми в Италии, Вегели в Германии. У нас ее воспринял В. Фриче, называвший Данте «апологетом дворянского класса», а «Комедию» — «плачем над гибелью аристократической Италии»⁴⁴.

Влияние социологических построений Фриче сильно сказалось в известной (у нас, но, к сожалению, не за рубежом) книге А. К. Дживелегова о Данте⁴⁵. Насыщенная красочным материалом, отмеченная своеобразным беллетристическим талантом и любовным знанием

эпохи, эта работа немало способствовала увеличению в Советском Союзе интереса к гениальному итальянскому поэту. Особенно хороша в ней глава о «Комедии» — точно воссоздана культурная атмосфера дантовской Флоренции, тонко уловлен сам дух дантовской поэзии. Книга Дживелегова пользуется большой популярностью у наших читателей. Тем более важно указать на некоторые неверные методологические концепции и выводы Дживелегова, дающие искаженное представление об идеологии Данте. Дживелегов писал: «Богослов, философ, политик — Данте весь в прошлом. Но Данте-художник — дитя новой буржуазной культуры»⁴⁶. С этим противопоставлением никак нельзя согласиться!

Советские ученые вслед за А. В. Луначарским занимались изучением политической мысли Данте. Здесь нужно в первую очередь выделить прекрасные предисловия к «Божественной комедии» К. Н. Державина и А. И. Белецкого⁴⁷. Однако специальных научных работ о Данте после книги А. К. Дживелегова у нас, по сути, не было⁴⁸.

Творчество Данте Алигьери ждет новых марксистских исследований.

Примечания

1 См.: A. Saponi. Rassegna delle pubblicazioni dantesche italiane del secentenario. — Arch. storico italiano, v. 1. Firenze, 1921, p. 221 e segg.

2 См. библиографию и обзоры литературы в кн.: G. Scartazzini. Dante-Handbuch. Leipzig, 1892; N. Zingarelli. La vita, i tempi e le opere di Dante. Milano, 1931; A. Vallone. La critica dantesca contemporanea. Pisa, 1953; F. Schneider. Dante, sein Leben und sein Werk. Weimar, 1960; А. К. Дживелегов. Данте. М, 1946. — Наш обзор не претендует на какую-либо полноту, многие важные работы в нем не упомянуты. Его цель — отметить общие тенденции в изучении социально-политического мировоззрения Данте.

3 G. Scartazzini. Enciclopedia dantesca. 2 vv. Milano, 1896-1899.

4 K. Hillebrand. Études italiennes. Paris, 1868, p. 41, 48-53.

5 R. Davidsohn. Geschichte von Florenz. Bd. IV. Berlin, 1927, S. 205-206.

6 A. Cappa-Legora. La politica di Dante e di Marsilio da Padova. Roma-Torino, 1906, p. 9—11, 46—48.

7 A. Panella. Storia di Firenze. Firenze, 1949, p. 88.

8 F. Ercole. Dal comune al principato. Firenze, 1929, p. 134 e segg.

9 I. del Lungo. Dal secolo e dal poema di Dante. Bologna, 1892; P. Villari. Il «De Monarchia» di Dante Alighieri. Roma, 1911; A. Solmi. Stato e Chiesa nel pensiero di Dante. — Arch. storico italiano, v. 1. Firenze, 1921; M. Barbi. Dante, vita, opere e fortuna, Firenze, 1933 (отдельное издание очерка, вошедшего в «Enciclopedia italiana»).

10 P. Villari, XI «De Monarchia..», p. 402, 404; idem. I primi due secoli della storia di Firenze, p. 492.

11 M. Barbi. Dante..., p. 108, 73.

12 M. Apollonio. Dante (Storia della «Commedia», 2 vv. Milano, 1951 (цит. v. I, p. 112).

13 Ch. Davis. Dante and the idea of Rome. Oxford, 1957. Далее цит. стр. 38, 143, 169-170, 187-189.

14 B. Nardi. Nel mondo di Dante. Roma, 1944; idem. Dante e la cultura medievale. Bari, 1949 (цит. стр. 412—413, 415).

15 К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I. М., 1956, стр. 106.

16 P. Renucci. L'aventure de l'humanisme européen en Moyen Âge. 2 vv. Paris, 1953—1954.

17 К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I, стр. 105.

18 A. Passerin d'Entrèves. Dante politico e altri saggi. Torino, 1955 (см. стр. 55, 59, 61, 57).

19 G. De Feo, G. Savarese. Antologia della critica dantesca. Messina-Firenze, 1958, p. 261.

20 См.: A. Vallone. La critica dantesca.. , p. 263.

21 T. Spöerri. Die Aktualität Dantes. Zürich, 1945.

22 N. Lenkeith. Dante and the legend of Rome. London, 1952.

23 L. Olschki. Dante «poeta Veltro». Firenze, 1953, p. 90—91.

24 G. Papini. Dante vivo. Firenze, 1951.

25 E. Gilson. Dante et la philosophie. Paris, 1930.

26 М. Ралчев, например, заявляет, что «вне всякого сомнения источником широкого вдохновения Данте является религия. Все остальные элементы — этический, политический, философский, личный — подчинены и проецируются на религиозном фоне». Трагичность «Ада», по словам Ралчева, заключается в «конflikте плоти и духа, земного и божественного, человека и бога, т. е. в борьбе между добром и злом» (М. Ралчев. Данте Алигьери. Критический этюд. София, 1947, стр. 13, 39). Те же утверждения содержатся в книге У. Космо, для которого Данте — «Великий христианин», чья биография походит на житие святого: «...церковь не имела сына, более крепко привязанного к ней, чем этот странный мирянин... для которого теология не имела тайн» (U. Cosmo. Vita di Dante. Bari, 1949, p. 241). И. Галлер озабочен тем, чтобы изобразить Данте «корректным католиком». Правда, поэт критиковал церковь, но лишь во имя ее укрепления. Призывы Данте, пишет Галлер, были пророческими, так как церковь в конце концов отказалась от светской власти и выиграла, ибо «возросла ее мощь в царстве духа...» (I. Haller. Dante. Dichter und Mensch. Basel, 1954, S. 199—200, 209, 213—214). Ничего нового нет и в недавно вышедшей работе Дж. Фаллани «Поэзия и теология в „Божественной комедии“», получившей одобрение апостолической цензуры (G. Fallani. Poesia e teologia nella Divina Commedia. Milano, 1959). В книжке о Ренессансе, пропитанной воинствующим клерикализмом, Ф. Беранс нелестно отзываясь о Данте, но зато восхваляет величие Бонифация VIII (F. Berence. La Renaissance italienne. Paris, 1954). Нет смысла вступать здесь в спор с авторами подобных работ или продолжать их перечень.

27 A. Renaudet. Dante humaniste. Paris, 1952 (см. стр. 17— 18, 30, 531-535, 20-29, 554, 49-50, 55-56, 72 и др.).

28 B. Croce. La poesia di Dante. Ed. 9. Bari, 1958.

29 См.: A. Vallone. La critica dantesca., p. 50—51.

30 Об эстетике Б. Кроче и об его влиянии на все области гуманитарной мысли Италии см, например, работу Г. Дубова и В. Полицци в сб. «О современной буржуазной эстетике» (М, 1963, стр. 65—142).

31 A. Roncaglia. Il canto VI del Purgatorio. — *La rassegna della letteratura italiana*. Genova, 1956, № 3—4. (цит. стр. 412, 415, 413-420, 422).

32 I. Batard. Dante (Minerve et Apollon). Paris, 1951, p. 16.

33 A. Vallone. *La critica dantesca*., p. 26, 183, 258—259.

34 В сб. «*Letture dantesche (Purgatorio)*» (Firenze, 1958) уже первая статья, принадлежащая Э. Биджи, содержит возражения против крочеанства; вторая статья, написанная Ф. Флора, напротив, выдержана в крочеанском духе; эти противоречия характерны для сборника в целом. Антикрочеанская тенденция заметна также у Де Фео и Саварезе, составителей «*Antologia della critica dantesca*», у А. Саккетто (A. Sacchetto. *Dieci letture dantesche*. Firenze, 1960, p. 27 e segg.). Луиджи Руссо, считавший себя учеником Кроче, тем не менее решительно высказался против дантологических концепций Кроче в своем итоговом труде (L. Russo. *Storia della letteratura italiana*, vol. I. Firenze, 1957, p. 244—250). Другие работы мы укажем ниже.

35 P. Conte. *Dante nel mondo di oggi e i problemi metodologici della critica dantesca*. Torino, 1959, p. 16. Это лекция, прочитанная в «Дантовском доме» — римском дантологическом институте.

36 P. Conte. *Dante nel mondo di oggi*., p. 8, 27—28.

37 R. Montano. *Suggerimenti per una lettura di Dante*. — In: «*Antologia della critica dantesca*», p. 33—34.

38 G. Fallani. *Poesia e teologia nella Divina Commedia*, 1959. p. 36—37, 105, 116—117. См. также: F. Biondolillo. *Poetica e poesia di Dante*. Messina, 1948, p. 2.

39 L. Pietrobono. *Dal centro al cerchio (la struttura morale della Divina Commedia)*. Torino, 1956; idem. *Il canto I dell'Inferno*. Torino, 1959; idem. *Nuovi saggi danteschi*. Torino, 1954.

40 См.: A. Vallone. *La critica dantesca*, p. 121—126; B. Maier. *Dante (rassegna bibliografica)*. — *La rassegna della letteratura italiana*. Genova, 1956, № 3—4, p. 550—553.

41 Одна из последних — R. Sirri. Il canto IV del Purgatorio. Napoli, 1956. Там же см. библиографию.

42 Например, большое уважение вызывают тщательные исследования С. Сантанджело (S. Santangelo. Saggi danteschi. Padova, 1959).

43 См.: Д. Кардуччи. Очерк развития национальной литературы в Италии. Харьков, 1896; Он же. Данте и его произведения. Харьков, 1899.

44 В. Фриче. Данте Алигьери. — «Творчество», 1921, № 4—6.

45 А. К. Дживелегов. Данте, изд. 1, 1933.

46 А. К. Дживелегов. Данте и его «Комедия». — В кн.: Данте Алигьери. «Божественная комедия. Ад». М., 1940, стр. 9. — Справедливости ради нужно отметить, что во втором издании книги о Данте А. К. Дживелегов, отнюдь не отказываясь от оценки социальных позиций поэта как феодально-средневековых, все же несколько смягчил противопоставление Данте-художника и Данте-политика.

47 К. Н. Державин. Творение Данте. — В кн.: Данте Алигьери. «Божественная комедия». М., 1950; изд. 2, 1961. О. І. Білецький. Поема Данте. — В кн.: Данте Аліг'єрі, «Пекло». Київ, 1956.

48 Статья В. Ф. Голосова «Народные корни „Божественной комедии“» (Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та, 1955, т. 4, вып. 1) и работа С. Т. Ваймана «Данте и проблема зарождения реализма» (Душанбе, 1961), написанные без учета зарубежной дантологической литературы и без обращения к Данте в оригинале, к тому же несерьезны в методологическом отношении. Что касается наших статей «Утопия всемирной монархии у Данте» (Сб. «Средние века». М, 1958, вып. XI), «Данте — провозвестник гуманизма» («Вопросы истории», 1965, № 3), «Реальность и аллегория в поэтике Данте» («Вопросы литературы», 1965, № 5) и др., то они явились этапами в работе над этой книгой.